

МИХАИЛ СТАЛЬНУХИН
Тридцать три оттенка зеленого

"Волна невероятных происшествий захлестнула город Горюхин." Чем не начало для авантюрной повести? Вот взять бы кому, да расписать благородного разбойника, из каждого слова и жеста которого так и прут двенадцать поколений титулованных предков. Да барышню, утонченную до эфирности. Пусть они преодолеют все невзгоды - спесь родителей, удары судьбы, великосветские условности. Пусть полюбят и обретут друг друга. Затем обстоятельно, не спеша, объяснятся на тридцати - сорока страницах слезоточивого текста.

И возрадуется издатель! Потом и ты, читатель, вздохнешь умиленно: "Ведь могут же, черти, когда захотят..."

А в переходе метро ласково замурлычет книгоноша, пересчитывая выручку. И с легким сердцем отслонявит он несколько ассигнаций своему покровителю, местному городовому.

Сурово наморщит чело сержант, но благосклонно примет подношение и засунет его в прятный зазор между портянкой и голенищем. А вечером сдаст в отделении табельное оружие и нечленораздельно хрипящую рацию, придет домой и оприходуется с супругой собранный за день калым.

Размягчится благоверная - и потешит мент свою плоть прямо у семейной кассы. И, на радостях, не станет он пороть сына-двоечника, а сводит шкодливое чадо в планетарий. И вырастет отрок приличным, культурным человеком. Не будет он в темном подъезде обижать тебя, читатель, кастетом по голове. Совсем другой мальчик сделает это. А наш приедет на "скорой помощи", но не добывать пострадавшего - наоборот: измерит тщательно температуру и, буде окажется она выше тридцати пяти градусов - свезет он тебя вовсе даже не в морг, а в царство клистиров и мази Вишневого, где ты, Бог даст, пойдешь на поправку и не спеша перечитаешь повесть о благородном разбойнике.

Но, увы - опрометчиво перестреляны благородные. Причем, по какому-то трагическому недоразумению, не только разбойники. Как раз они-то и оказались в меньшинстве среди пострадавших. А кто и сам себя... Ну и шут с ними - неужто мы себе других героев не найдем?

1

Сказать что-то определенное об электрике горюхинского Дома культуры можно было, пожалуй, только одно - мужчина. Не то что бы уж очень - пристрастие к горячительным напиткам уже вывело его из славных рядов борцов за воспроизводство населения, однако по ряду первичных и вторичных признаков принадлежность к мужескому полу не вызывала никаких сомнений. История не сохранила нам имени этого персонажа, но привычка и к месту, и невпопад вспоминать о своих детях, каковых только в законном браке было им настругано шесть душ, принесла ему почетное звание Папа-героин, под которым он и был известен большинству своих приятелей.

Сия необыкновенная плодовитость являлась следствием не какого-то особенного чадолюбия, а, скорее, излишней резвости Героина в молодые годы. В юности Папа никому спуска не давал, по каковой, кстати, причине и попадал неоднократно в места, где на всю оставшуюся жизнь пропадает у человека желание ходить строем.

ДК "Звездочка", в котором подвизался Героин, строили великие мастера. Лишь им был ведом секрет штукатурки, краска с которой отлетает ровно через неделю после очередного косметического ремонта. "У таких стен только расстреливать", - вздыхали маляры. Спустя месяц, принимая их работу, те же слова бормотал завхоз.

Но службу свою клуб знал и исправно нес культуру в массы. На рекламном щите, в обрамлении из симпатичных утят и зайчиков, регулярно появлялись анонсы новых видеочудес. Кровью несло от этой приманки за версту, так что недостатка в посетителях у ДК не было.

В интересующее нас утро Папа-героин полчаса провозился со стремянкой, выволакивая ее из подсобки на оперативный простор, и приступил к работе: надо было срочно заменить несколько перегоревших лампочек в вестибюле.

Жестяные плафоны на длинных шнурах огромными поганками свисали с потолка. Под одной из них Папа пристроил стремянку и с опаской полез вверх. Осторожничал он по той простой причине, что в работе вестибулярного аппарата с утра, как обычно, наблюдались резкие перебои.

К сожалению, неведомо нам, вкладывали ли чингизханы какой-либо иной смысл в изготовление из русских черепов обрамленных серебром чаш помимо прагматичного желания обеспечить стол добротной посудой. Налиествовал ли какой-то подтекст у варварского обычая наполнять вином объемы, изначально предназначенный под мозги? Но - прижилась традиция.

"Куда это меня..?"- удивился Героин, когда, теряя равновесие, на долю секунды очутился в невесомости.

Спустя мгновение он раскачивался над упавшей стремянкой, судорожно вцепившись в ближайший плафон. На побелевших от напряжения пальцах ярко проступили вытатуированные скрипичные ключи.

"Надо было начинать с гардероба",- затосковал Героин, подсознательно имея в виду главным образом вахтершу, могучая комплекция которой одна могла бы обеспечить мягкую посадку взводу десантников. И рухнул.

На грязном полу, прижавшись небритой щекой к щербатым плиткам, тихо лежал маленький человек в мятом синем халате. Рядом, сердито тыча в него веником: "Не можешь без фокусов!" - уборщица подметала мусор.

Героин медленно встал на колени. Немым воплощением скорби застыл он в полосе света, протянувшейся от небрежно зашторенного окна через весь вестибюль. Дышалось тяжело, мириады подсвеченных пылинок делали воздух физически ощутимым.

Где-то хлопнула дверь, пылинки закружились в бешеном танце. "Что случилось?" - послышалось из темноты. "Да Героин, рыба-жаба, развлекается",- донеслось в ответ. Эхо разнесло по вестибюлю совсем не добродушный смех.

Героин поднялся на ноги. "Суки!"- неопределенно, но с большим чувством просипел он, откашлялся и произнес короткую, но удивительную богатством вариаций на одну и ту же тему филиппику, процитировать которую в печати нет, к сожалению, ни малейшей возможности.

Струившийся в окно свет сгустился и приобрел какой-то зеленоватый оттенок. Героин закруглялся: "Чтоб вас разорвало!"- произнес он, глядя в потолок. Да так и замер с открытым ртом.

Постепенно увеличивая накал, по всему вестибюлю тускло засветились лампочки. Плафоны, словно притянутые невидимым магнитом, без видимых причин начали один за другим плавно подниматься вверх. Свечение усиливалось. Шнуры болтались ненужными придатками, отбрасывая на все вокруг причудливые тени.

И вот уже все плафоны прилипли к потолку. За спиной Героина страстно

взвизгнула обомлевшая уборщица - и как будто ждавшие этого сигнала плафоны со страшной скоростью спикировали вниз. Коротким залпом хлопнули лампочки, по полу хлестнуло стеклянным дождем.

Спустя еще секунду плафоны взбесившимися поршнями уже носились вверх и вниз, с металлическим скрежетом врубаясь в потолок, высекая снопы искр, и тут же стремительно падая. Вестибюль заволочло густой пеленой осыпающейся штукатурки и бетонной пыли.

Треск рвущейся на проводах оплетки перемежался с истошным визгом уже лишившейся изоляции проволоки, которая лопалась от невероятного напряжения. А когда последний смятый в лепешку плафон запрыгал по полу, все, что могло в клубе гореть, без видимой причины полыхнуло синим пламенем.

Директор "Звездочки" при обращении в пепел очага горюхинской культуры лично не присутствовал. В то недоброй памяти утро господин Зиропкин проснулся позже обычного, поскольку ночью его разбудила гроза, сон как рукой сняло и битый час пришлось ему слушать постепенно удаляющееся сердитое громыхание.

Удар грома вырвал Зиропкина из кошмарного сна, который преследовал его уже много лет. Снилось ему, что он, молодой журналист, готовит праздничный выпуск районной газеты. Что ему оказана честь написать передовицу и, в спешке, сокращает он в рукописи три особенно часто повторяющихся слова - Великая Октябрьская Революция - до их заглавных букв. Что вся редакция, не дожидаясь праздника - в лежку, да и типография с обеда лыка не вяжет. Что берет он наутро газету в дрожащие руки и видит на первой странице набранный аршинными буквами заголовок: "ВОР - в душе каждого советского человека!"

Последний раскат грома прозвучал глухо и резко - как выстрел, после чего все окончательно стихло. Зиропкин еще долго лежал с открытыми глазами, страшась продолжения гнусного кошмара, кончавшегося обычно публичной казнью, но затем незаметно уснул, прикусив по оставшейся с детства привычке уголок подушки.

Тихо было и в соседней квартире. Настольная лампа под уродливым зеленым колпаком роняла свет на густо исписанный лист бумаги, внизу которого стояло имя Владимир, на неприглядные голые стены, на опрокинутый стул и валяющийся чуть поодаль миниатюрный пистолет. Рядом с ним, прислонившись спиной к кровати и слегка запрокинув назад голову, сидел на полу человек. А по белой ткани скомканной простыни, которую он прижимал к груди, медленно расплзлось влажное темное пятно.

2

Проспав на работу, суетиться Зиропкин тем не менее не стал. Он неторопливо побрился, затем выкушал чашку кофе в своей пеналоподобной кухне.

По городской радиосети шла прямая трансляция с очередной сессии горсовета: "...и тем паче нельзя закрывать глаза на еще имеющиеся у нас, так сказать, недостатки. Крокодилья ферма - дело, конечно, выгодное. Сумочки там, кошелечки... Многие из нас лично убедились в этом, посетив для обмена опытом Египет, Австралию, а также США, штат, так сказать, Флорида. Однако закупка гадов была произведена на Кубе, что, несомненно, сказалось на конечном

результате. Недостатки были и по линии обеспечения поголовья кормами. Употреблять силос крокодилы отказались наотрез, расплзлись и успешно перезимовали в городе. Вот такая ситуёвина. Так что с этой стороны все в порядке. Но с заготовкой, так сказать, крокодилий мехов придется погодить, поскольку за зиму они усохли и обросли шерстью. Разве что на унты их пустить... Мы уже послали в Академию Наук запрос - когда у крокодилов линька? Пусть нам ответят. Или может их чем-нибудь опрыскивать? Однако..."

Однако Зиропкин радио уже не слушал. Пробормотав: "Бред какой-то...", он размял вкусно хрустящую в пальцах сигарету и прикурил. Затем, глядя на догорающую в пепельнице спичку, выдохнул струю зеленого по неизвестной причине дыма и весьма музыкально замурлыкал: "*Гори, гори, моя звезда...*" Что, собственно, и не замедлило.

Незадолго до пожара, в одном из дворов, каких в Горюхине сотни, на скамейке у песочницы местный ареопаг исполнял, как обычно, песнь акына: немедленному всестороннему осмыслению подвергалось все, что попадало в поле зрения пяти языкатых старушек.

Из второго подъезда степенно вышел пожилой мужчина, следом за ним - мальчуган лет шести. Закрывая дверь, они обнаружили на ней объявление, которое было прочитано с полным вниманием, а мальчиком так даже вслух: "не хлопать дверями просьба от того что лампочки перегорают а мы жители сами ввертуем потом свои лампочки".

Старушки у песочницы всполошились:

- Здравствуй, Альбертыч! Куда это ты с утра? Да с бидончиком? А это кто ж будет? Внучок? А где...

Сергей Альбертыч прибавил шагу, а пацан обернулся и показал почтенному собранию язык.

- Вот ведь бандит! Ить с ползунков такой.

- В деда пошел, уполовник.

- Так то внук, а сын-то! Марья, помнишь, нонешней зимой - шапку уронил, а поднять не может, сам все заваливается. Смехота. Так до дому ее ногами и футболил, сердешный.

В следующее мгновение их внимание обратил на себя здоровенный рыжий кот с мышью в зубах.

- Глянь, Любка, это чей же зверюга?

- Да вроде Борькин кот, из восьмой.

Рыжий, почувствовав интерес к своей персоне, замер.

- Ой, девки, а я на позатой неделе чуть не окочурилася с Борьки этого! Иду вечером с дежурства, дожжик шуршит, темень. В подъезде тоже хоть глаз выколи - лампочки-то все побиты. Крадуся я, значит, к своей фатере, ну, а на втором этаже остановилась отдышаться и слышу вдруг шепот: "Ну иди, иди сюда..."

Старушки ойкнули и затаили дыхание. Четыре пары округлившихся глаз уставились на рассказчицу.

- У меня и ноги онемели, и сердце на весь подъезд забухало. А голос-то снова: "Иди, не обижу..." Да тихо так, ласково. Я стою, "Отче наш" вспоминаю. Авось, думаю, пронесет. А он как заорет: "Вылезай, козья морда, не то голову откручу!" Всплакнула я, да и пошла. На третий поднялась, глянь - а это Борька, ирод пьяный, на коврике расселся и кота приманивает. Кот у него, значит, за мусоропровод залез и выходить никак не желает, не любит алкашей-то. А этот

рыжий - не его, нет, у Борьки кот серый.

Рыжий перехватил мышь зубами и потрусил к заднему крыльцу гастронома. Там, среди штабелей пустой тары, он подыскал уютное местечко и затеял со своей жертвой ленивую игру. Поглядывал на нее кот с брезгливостью давно и безнадежно сытого существа. Если перевести его утробное урчание в слова, получилось бы примерно следующее: "Мелкота... мрр-рр... сволочь... мрр-рр-р... не стоило клыки мяарррять... мрр-рр..."

Пригрело солнышко. От ящиков волнительно пахло протухшей копченой рыбой. Рыжий зажмурился, потянулся. В сладкой дремоте пригрезилась ему шоколадной масти буренка, виденная недавно на хозяйской даче, причудился аромат бьющих в подойник струек молока...

Мышь закопошилась под лапой. Кот покосился на нее с явным интересом - и в этот момент двор накрыло густой волной зеленого света.

Дальнейшие события очевидцы описывают по-разному, но все в один голос утверждают, что первым из-под рухнувших ящиков с диким воплем выскочил взъерошенный ком бурой шерсти. Догадайся кто-нибудь вычислить скорость, с которой Рыжий пронесся от помойки до ближайшего дерева - и не считаться уже гепарду самым быстрым животным на земле! А баба Люба из первого подъезда после исповеди доложила отцу Николаю, что, взлетая неуловимым движением на верхушку березы, кот на чистом русском языке орал "Караул!"

И было от чего! Небрежно раздвинув мусорные контейнеры, вслед за Рыжим на свет Божий вылезла чудовищная тварь, чудесным образом совмещающая в себе стати коровы и экстерьер обыкновенной мыши.

Она замерла и, мелко дрожа, села на задние лапы. И все, кто еще не очень торопился, увидели огромное розовое вымя, выпирающее из ее брюха.

Тварь оглядела мгновенно опустевшие окрестности с застенчивостью только что вылупившегося из яйца тиранозавра. Ее внимание привлекла пушистая рыжая звезда на верхушке березы.

Спокойно посмотреть в глаза своей овеществленной мечте оказалось для кота непосильной задачей. На двор обрушилась дьявольская какофония. Кошачий ужас в его звуковом выражении был настолько сконцентрирован, что кое-где даже лопнули стекла.

Видимо, что-то очень страшное было в этом звуке и для новоявленной твари. Она решила спрятаться среди цветов и плюхнулась на ближайшую клумбу. Тут же убедилась, что анютины глазки не прикрывают даже вымя. Еще один вопль, раздавшийся с березы, подбросил ее на ноги. Серой кометой пронеслась гигантская мышь вдоль дома, с корнями выворачивая сирень, и скрылась в переулке.

Пролить свет на дальнейшую судьбу чудовища мог бы вышеупомянутый Сергей Альбертыч, будь он чуть внимательнее. Посетив гастроном и констатировав полное отсутствие пива, Сергей Альбертыч, конечно же, расстроился. Но даже в эти тяжелые для него минуты Альбертыч не забывал воспитывать внука.

- Стасик, немедленно уйди с дороги, там нельзя играть!
- Почему?- очень натурально изумился внук.
- Попадешь под машину.
- Ну и что?- изгалялся над дедом Стасик.
- Умрешь.

В голосе внука появилась нотка искреннего интереса:

- А потом?

- А потом тебя закопают на кладбище,- механически отвечал Сергей Альбертыч, думая о своем.

- Ну..?

- А сверху я посажу цветочки, буду приходить, поливать...

И тут Стасика проняло:

- Да, деда, это ты здорово придумал! Ты, значит, цветочки поливаешь-нюхаешь, а я лежи там весь мокрый!

Альбертыч не успел достойно ответить - промчавшийся мимо белый "жигуль" окатил его последней весенней грязью.

- Дурак!- крикнул вслед машине не по годам бойкий внук. Сергей Альбертыч покачал головой:

- Стасик, хорошие детки не ругаются,- наставительно произнес он, провожая автомобиль тяжелым взглядом.

- Деда, почему все стало такое зеленое?- спросил любознательный мальчик, и в этот момент у белого "жигуленка" отвалились все четыре колеса.

Машина закружилась по асфальту, рассыпая искры, и врезалась во встречный грузовик. Взрыв бензобака совпал с каким-то жутким воплем и звоном осыпающихся стекол.

Бесславно дезертировавшие колеса стайкой черных лебедей улепетывали вниз по улице. Один перекресток они еще проскочили на желтый свет светофора, но уже на следующем врезались в неизвестно откуда появившихся в городе весьма странного вида всадников.

Радостно возбужденные прохожие сбегались к пожарищу. Пассажиры проезжающего мимо трамвая все, как один, прилипли к стеклам, жадно впитывая впечатления.

Лишь Сергей Альбертыч стоял в оцепенении, пытаясь вспомнить свои мысли в момент катастрофы. А из переулка за его спиной тем временем вылезла гигантская мышь. Бесформенный розовый бурдюк, выпирающий из ее промежности, с бульканьем волочился за ней по тротуару. Потрясенная последними событиями мышь изредка покусывала его и струйки какой-то белой жидкости брызгали тогда во все стороны.

С места аварии донесся грохот еще одного взрыва. Мышь в панике рванула вдоль дома и врезалась в почтовый ящик. Синяя жестяная коробка встретила свой конец достойно, как легендарный дипкурьер. Ящик грохнулся на тротуар вместе с куском стены, в которую был вмурован, но сохранил в неприкосновенности письмо и два окурка, опущенные в него с утра.

А мышь уже обнюхивала неказистую дверку, ведущую в подвал. Кого угодно лишит рассудка аромат гниющей картошки! Так не будем осуждать мышь за то, что, потеряв возможность пролезать в любые щели, она снесла дверь вместе с косяком. И сгнула в темных закоулках...

Уже давно рассвело, но Владимиру казалось, что в его комнате становится темнее. Он снова и снова погружался в сумеречную зону, жил странной жизнью своих чудных снов и улыбался им, а, выплывая из беспомысленности, все хуже различал предметы вокруг себя.

Затем и стены небольшой комнаты растворились в мутной мгле. Владимир уже не видел ни в желтых пятнах потолка, ни змеящихся по стенам трещин.

Вдруг чувство полного покоя сменилось бессознательной тревогой. Владимир ощущал, откуда исходит угроза, и, с трудом повернув голову, боковым зрением уловил невдалеке от себя неподвижную фигуру.

Солдат в длинной, до пят, грязно-рыжей шинели и такого же цвета папахе неподвижно стоял, опираясь на громоздкую винтовку с примкнутым штыком. Тускло светилась пряжка, а чуть выше ремня можно было различить несколько аккуратных черных дырочек.

На белом профиле лица темной ямой выделялась пустая глазница и Владимир вспомнил, как совсем недавно таким же мертвым взглядом смотрело на него дуло пистолета.

Превозмогая боль, Владимир короткими рывками медленно втащил свое непослушное тело на кровать и снова потерял сознание.

3

Хотя сведения о некоторых удивительных происшествиях того достопамятного дня пришли к нам из третьих рук, это отнюдь не означает, что мы можем их похерить за ненадобностью - ведь именно из таких не вполне достоверных подробностей и складывается мозаика жизни.

Погожим утром на автозаправке владелец шикарного серебристого лимузина воткнул шланг в гнездо, зевнул и потянулся. Со свойственной интуисту наблюдательностью отметил он признаки пробуждающейся природы: жужжат пчелки, мычат коровки - sehr gut! Пролетающая по своим делам чайка облегчилась прямо на лацкан пиджака - mein Got, вот же schweinehund! В расстроенных чувствах повернулся он к своей машине и в глазах у него позеленело от невероятного зрелища: работник бензоколонки, привстав на цыпочки, вдохновенно мочился в горловину бака его дорогостоящей красавицы.

- Сменщик молодой, гля,- объяснил он остолбеневшему водителю,- забыл разбавить. Затем застегнул ширинку и кивнул в сторону кассы:

- Сходи, доплати за литр...

Шесть часов утра - время исполнять гимн. Или произнести нечто этакое, патетическое: "О, сколь славен всякий, в ком искра божия не чадит, а полыхает! Кто бесценный дар своей возвышенной, но страдающей души несет людям!" Как раз получится о лейтенанте Ежове, который только что детским почерком написал в углу пока еще чистого листа бумаги слово "рапорт" и на мгновение задумался. Вдохновение не воробей, на хлебные крошки не приманишь...

"Товарищ генерал

Получив зарплату и решив в этот раз отдохнуть от тягот воинской службы культурно а не как обычно я наметил обширную программу с посещением даже театра или там какой-нибудь филармонии Замполит объяснил мне маршрут следования к намеченным рубежам при помощи общеизвестных ориентиров Оказалось что в городе Горюхин театр дислоцируется крайне неудачно поскольку окружен ресторанами и барами как сучка во время течки кобелями со всех сторон

Я пал жертвой обстоятельств а не злого умысла Офицер делает сами знаете что со всем тем что шавелится и пьет соответственно все что горит... "

Ежов грустно оглядел расписанные и разрисованные всевозможной похабщиной стены, вздохнул и отхлебнул воды из белого эмалированного чайника.

"...но при живых деньгах я предпочитаю водку И незамедлительно Поэтому вместо театрального буфета и очутился я в ресторане алый парус

Не начав еще даже как следует веселиться я вдруг заметил знакомую морду рядом с ребятами из оркестра Это был штабной сержант вы его знаете губатый такой который грубо нарушал устав и бессовестно плевал на присягу переодевшись в штатское И это в то время когда враг может быть грозит ядерным кулаком мирному сну нашей страны и всего остального лагеря

Возмущенный я подошел к этому сержанту дернул его за болгарский галстук из крашеной дерюги и врезал пару раз в область среднего уха Но ребята из ансамбля вступились за него и мне пришлось уйти Когда я наконец остановился было уже темно и я заблудился Блудил я часа два под дождем как последняя я извиняюсь проститутка Поэтому выйдя к вокзалу и наткнувшись там на того самого губатого сержанта который опять таки не спал в общем строю как его дисциплинированные боевые товарищи например вы товарищ генерал а губил свое здоровье в компании двух девиц развратного телосложения я сразу подошел к нему и дал по наглой роже Но девочки за него вступились и мне пришлось эвакуировать личный состав в составе себя по неизвестному азимуту..."

Лейтенант пригорюнился.

"Несвоевременно но с большим желанием прибыв в расположение нашей товарищ генерал воинской части я медленно но целеустремленно продвигался к офицерскому общежитию когда наткнулся на патруль в компании того самого сержанта Неверно оценив обстановку я подошел и вlepил ему пощечину ногой в область таза Но патруль за него вступился и я снова встал в траве на четвереньки Затем не поднимаясь быстро ушел..."

Ежов снова отхлебнул из чайника.

"Губатого я потом встретил еще раз у котельной Мы снова подрались но потом помирились Дружили мы до утра прямо там в котельной в результате чего я не могу вспомнить как очутился на гауптвахте Товарищ генерал Прошу вас не наказывать этого сержанта он оказался отличным парнем"

Лейтенант Ежов отложил ручку и перечитал рапорт. "Опять звездочку снимут, это уж как пить дать",- покосился он на погон и вспомнил про чайник. Оказалось - пустой. И почему-то зеленый. К горлу подступила тошнота. Где-то за стенами гарнизонной тюрьмы завыл пес, отчего камера уютнее не стала. "Вот был бы я генералом...",- попробовал отвлечься от грустных мыслей лейтенант.

Эльвира Генриховна, которую ныне супруг лишь в состоянии блаженной послеобеденной сытости, хотя некогда - и в мгновения любви, страстной до одышки, ласково именовал не иначе, как "моя худобулочка", уже давно вклеила в свой паспорт третью фотографию, но не созналась бы в этом даже под пыткой. Разговоров о возрасте она терпеть не могла.

Замуж Эльвира Генриховна выходила неоднократно. В последний раз попался ей чудак, склонный с достойной младенца искренностью верить любым околонуточным измышлениям. Угробив здоровье на Памире, где разыскивал йети, он лечился затем собственной мочой, то натираясь ею, то принимая вовнутрь. Занятия астрологией сменялись поисками НЛЮ, а на момент знакомства с Эльвирой Генриховной он уверовал, что способен на телепатическую связь с любым человеком, имеющим при себе заряженный его энергией предмет, например, какой-нибудь камень. Расписался он с Эльвирой по той простой причине, что оказалась она единственным существом женского

пола, согласным день и ночь иметь при себе, то в сумочке, то под подушкой, булыжник весом в четверть пуда.

Обладала Эльвира Генриховна не только примечательной внешностью, непостижимым образом гарантирующей обладательнице таковой статус светской дамы при любом, даже самом пролетарском режиме, но и пресквернейшим характером, благодаря которому в то злосчастное утро первая размолвка с благоверным приключилась уже на двадцатой минуте совместного бодрствования - Эльвира Генриховна вполне резонно считала, что даже самые пустячные дела лучше не откладывать на потом.

Супруги чинно выгуливали своего пуделя в тенистой аллее вблизи городской площади, когда Виктор Степанович, уже не раз упомянутый муж Эльвиры Генриховны, отлучился к киоску за сигаретами, не испросив на то августейшего соизволения. Расплата настигла его сей же миг.

- Какой чудный сон мне сегодня приснился, лапуся,- поделилась Эльвира Генриховна.

- Да ну? - отозвался Виктор Степанович и нагнулся к собаке, чтобы отстегнуть поводок. Вопросительная интонация означала готовность выслушать все, что угодно.

- Будто ты здесь, а я уже там. Ты слушаешь?

- Я вот уже полжизни только это и делаю...

- И я шлю тебе оттуда гуманитарную помощь. Тридцать вагонов - и все сплошь голубые.

- В каком смысле? Кто?- удивился Виктор Степанович.

- Да не "кто", а "что"! Вагоны, говорю, голубого цвета. Набитые гуманитарной помощью. Оттуда. Лично для тебя. Целый эшелон оставшихся с войны боеприпасов. Мины там, снаряды разные.

Эльвира Генриховна сделала выразительную паузу и злорадно закончила:

- И вот ты заходишь в вагон, закуливаешь, роняешь спичку - и весь этот бардак взлетает на воздух!

Виктор Степанович поперхнулся и повернулся позеленевшим от мгновенного гнева лицом к жене. Где-то неподалеку раздался взрыв, но супругов это не отвлекло, они не отрываясь смотрели друг другу в глаза. И вдруг их не стало.

Ничего не понимающий симпатичный пес видел на месте, где только что стояли хозяева, лишь две струйки плавно оседающего на асфальт пепла. В одну из дымящихся кучек пудель осторожно ткнулся холодным мокрым носом. Налетевший ветерок запорошил собаке глаза, она обиженно твякнула. А пепел порывом ветра смело на площадь и понесло неизвестно куда. Со стороны казалось, что две черные ленты то перекатываются по брусчатке, то парят над ней. Вот они взмыли вверх, сплелись, как змеи в любовной игре - и, обессиленные, рассыпались. Пудель понял, что безвозвратно потерял своих хозяев и зашелся в истерике, выразив эмоции самым естественным для собаки образом.

Вой был отчетливо слышен и в находившейся неподалеку городской больнице. Уютное трехэтажное здание, построенное к 300-летию дома Романовых, великолепно смотрелось на фоне всего, что было сооружено ко всем юбилеям, в которые праздновался крах этой династии. А в означенное время персонал больницы прилагал героические усилия по ликвидации последствий побоища, приключившегося между торгующими на городском рынке.

Дознание по этому делу прошло быстро и без недоразумений. Повесть о том, как поссорились Гия Шалвович и Азамат Мухтарбекович, разумеется, без тех эмоциональных комментариев, на которые всегда так горазды очевидцы, проста и трагична.

Не являясь конкурентами - мандарин гвоздике не помеха - и, более того, неотличимые друг от друга, как братья-близнецы, Гия Шалвович и Азамат Мухтарбекович сохраняли консенсус до того злосчастливого момента, когда один из них при значительном стечении покупателей по оставшейся неизвестной причине заявил вдруг в адрес другого:

- Некультурная нация,- и, запустив руку в брюки, со вкусом, блаженно постанывая, почесал в паху:

- Короче - свиньи!

Оружие пролетариата - булыжник, но на рынке в ход идут главным образом деревянные и металлические части прилавка, что, впрочем, не менее болезненно.

Возникшая было перебранка незамедлительно перешла в короткую, но убедительную потасовку, после которой главные ее участники, Гия Шалвович и Азамат Мухтарбекович, с помпой, под рев сирены, отбыли в реанимационное отделение местной больницы. Где, по сию пору в коме, и пребывают.

Сначала, правда, Азамату Мухтарбековичу, меньше пострадавшему в битве народов, не нашлось места в палате.

Пристроенный в коридоре с капельницей в изголовье, он меркнувшим сознанием ощущал опасность, исходящую от огромной колбы с физиологическим раствором, которая, стоило лишь кому-нибудь пройти мимо, начинала угрожающе раскачиваться прямо над его многострадальной головой, как бы намереваясь делом доказать сказанное мудрейшим из врачей, непревзойденным Зия-аль-Хакимом в книге "Тайны врачевания":

"Выздоровливающих надо лечить, а кончающихся надо кончать - и да пойдет им всем это на пользу во имя аллаха великого и милосердного!"

Из ординаторской вышли два санитар. Один из них, снимая на ходу халат, прислушался к доносящемуся с улицы собачьему вою.

- К покойнику,- пробормотал он, задев ненароком капельницу. Мухтарбекович, до этого неотрывно пялившийся в потолок, начал поскуливая сплзать с койки.

- Предрассудки,- весело отозвался второй санитар.

- На каждую суку жмуриков не напасешься,- оптимистично продолжил он, оборачиваясь на звук, который мог бы издать упавший с большой высоты на что-то мягкое полный воды и водорослей аквариум, и все еще улыбаясь.

А вот в поликлинике по соседству один пациент, говорят, напялил на себя зеленый халат и начал прием. Пять часов кряду злобное урчание и взвизгивание бормашины перемежалось лишь жестяным звоном падающих в таз зубов.

Сидение в стоматологическом кресле не располагает к наблюдательности. А жаль. Хотя бы потому, что мало кто заметил осуществление многовековой мечты страдающих зубной болью: хоть на несколько минут оказаться по ту сторону накладываемых на зуб клювовидных щипцов.

А комнату Владимира явно облюбовали потусторонние силы. Он открыл

глаза и обнаружил себя лежащим на кровати. Образующий бесконечный тоннель поток света, источник которого невозможно было определить, упирался в нее. Владимир почувствовал в себе силы и желание встать и пойти ему навстречу.

Но коридор света, казалось бы, бесплотного, смялся вдруг и одна его стена пришла в движение, как предмет вполне материальный. Сквозь границу, отделяющую свет от тьмы, пролезла сжимающая трость рука. С явным усилием протискивалось за ней плечо. Затем нога в задравшейся до колена брючине ступила на освещенный участок. И вот с чавкающим звуком, с каким из болотной жижи вытягивается сапог, в полосу света, чертыхаясь, ввалился развязного вида франтоватый мужичок.

"Этакий... ферт",- классифицировал его Владимир, проделав это с полным безразличием.

Одет был гость помимо клетчатых брюк в лоснящийся зеленого цвета фрак, под которым кроме до хруста накрахмаленной манишки ничего не было свою трость он сжимал под мышкой, а в руке держал блестящий цилиндр, который, оглядев со всех сторон, обдул, обтер рукавом и торжественно водрузил на прилизанную голову.

Оглядев себя со всех сторон, удовлетворенный осмотром ферт приосанился, одернул фрак и, ослабившись, пританцовывая пошел в сторону Владимира. Приближался он не торопясь, щегольски помахивая тростью и не переставая улыбаться.

Подойдя к кровати, ферт склонил голову набок, щелкнул каблуками и заговорил мягким рокошущим голосом:

- Ну вот мы и свиделись, уважаемый Владимир Андреевич. Приветствую вас,- гость с явным удовольствием огляделся,- на вашей персональной Голгофе.

Последние слова он произнес несколько грассируя и явно наслаждаясь создавшейся ситуацией.

У Владимира закружилась голова, что даже во сне случается с боящимися высоты людьми.

4

Однако о главных событиях дня рассказ еще впереди. Начались они на раскопках кургана, находящегося на окраине Горюхина. Праздничная суета достигла там апогея уже к девяти часам.

Рукотворный этот холм давно привлекал внимание археологов, но лишь в последние годы им было разрешено удовлетворить свое любопытство. Насыпан был курган не так уж и давно, в городе до сих пор проживало несколько человек, лично принимавших участие в его создании. Однако в силу их преклонного возраста получить даже хоть сколько-нибудь приблизительные сведения о содержимом кургана представлялось делом заведомо невозможным.

Два раза в год горюхинцы исправно водили к кургану очумевших от дрянного самогона и всяких нехороших предчувствий призывников.

- Экспозиция такая: на фоне кургана наша передовая молодежь, выстроившись полукругом, внимательно слушает ветерана. Ветеран делится воспоминаниями,- скороговоркой вещал пьяненький фотограф.

- С чего же начать? - риторически вопрошал почетный гость и теребил высохшей рукой пионерский галстук на морщинистой шее. В этот момент ослепительно вспыхивало, щелкал затвор фотоаппарата.

- Сделаем еще один кадр... на всякий пожарный,- бурчал фотограф, икая и перематывая пленку. - Так, готово. Ветеран, делитесь!

- Начать с чего же? - снова задумывался ветеран. Снова вспыхивало и щелкало.

- Спасибо всем,- ставил точку фотограф и народ расходился.

Авторы мемуаров создавали один шедевр скромности за другим, но предназначение кургана по-прежнему оставалось тайной. Хотя упоминали они этот самый курган довольно часто. Что немудрено, поскольку такого рода литература в основе своей имеет тот же принцип, что ручная промывка золота: имеющая вес и ценность субстанция остается наверху, в лотке, а вся дрянь сливается. И попадает к читателю. Потому и ликовала общественность, когда светилам местного краеведения дозволено было порыться в недрах таинственного холма.

Несколько лет упорного труда открыло взорам горожан весьма оригинальное сооружение примерно ста метров в длину и тридцати в высоту. Сложено оно было из бревен, местами сгнивших, а местами и окаменевших ко времени описываемых событий. Археологи назвали его саркофагом, хотя больше оно напоминало то ли примитивный корабль, то ли невероятных размеров гроб.

До вскрытия саркофага - события, подготовка к которому шла последние месяцы, оставалось всего несколько минут. Ветер еще носил над собравшимися обрывки праздничных, лишенных логики и смысла, речей: "...в науке хорошо не то, что ново, а ново то, что хорошо... подойти к проблеме разрешить изучать прошлого, которого должен быть... в науке идет инновационный процесс... мои замечательные идеи и замыслы... если краеведу создать условия, то его, безусловно, уже не остановишь..."

Но вот уже и ленточка перерезана. На месте действия появились рабочие в оранжевых фуфайках, агрессивно заурчали электропилы...

Интересно, кстати, почему такого цвета рабочая одежда вызывает подсознательное чувство тревоги? Человек в оранжевой спецодежде вроде бы и работает, терзает, например, отбойным молотком асфальт или сгребает снег, но при этом трудно отделаться от ощущения, что он в большой беде, тонет или, скажем, замерзает на льдине. А если в комплекте еще выражение безысходности на лице и скорбная обреченность движений - терпящий бедствие, да и только.

Впрочем, поспинозили - и будет. Тем более, что за это время в стене саркофага уже появилась аккуратная дыра, в которую без проблем прошел бы даже африканский слон. Работяги, оттащив выпиленные бревна, уступили место археологам. В чистом небе еще висели последние ракеты приуроченного к событию фейерверка, озаряя город и окрестности нежно-зеленым светом толпа, осознав торжественность момента, затихла, как перед пенальти на финальном матче. Тут-то все и началось.

Кто из нас не силен задним умом? Однако то, что на расстоянии кажется кулаком, при ближайшем рассмотрении вполне может оказаться вульгарной фигой. Самые низкопробные трагедии получаются из фарсов. Так что не будем умничать, а просто проследим за тем, как развивались события.

Когда под ногами стала сотрясаться земля, у окружающих курган зевак появилось ощущение железнодорожного вокзала. Затем из саркофага явственно

завучал рокот морского прибоя, нарастающий грохот которого встревожил большинство присутствующих. Паникой это еще не назовешь, но флегматичных лиц в толпе не осталось - это точно.

Массовый исход горожан от кургана начался несколькими секундами позже, когда тучи причудливо разукрашенных стрел, лишь по чистой случайности никого не задевших, осыпали толпу. Одна из стрел усвистела чуть в сторону и пробила капот стоящей неподалеку пожарной машины, расчет которой, скорее от неожиданности, нежели от желания оказать неизвестно кому сопротивление, врубил агрегат, разразившийся мощной струей вонючей пены. Навстречу ей из мрака пролома вынеслось несколько всадников. Слепленные ярким солнцем, они придержали коней, как бы давая себя рассмотреть. Зрелище, что и говорить, оказалось колоритным. Толпа ахнула и на полусогнутых дружно пустилась наутек.

Последняя лошадь, подскользнувшись на мокрой от пены земле, завалилась набок, наездник откатился в сторону. Вскочив на ноги, он оказался лицом к лицу с тремя археологами, единственными горожанами, у которых любовь к науке пересилила чувство самосохранения. Они застыли, как орнитологи, боящиеся спугнуть редкую птичку. Их высокий профессионализм выразился в том, что ученые, почти полностью утратившие способность соображать, тем не менее оставили потомкам исчерпывающее описание этого слетевшего с коня всадника.

Из одежды на нем было некое подобие кожанного передника, обильно украшенного разноцветным бисером, да перо, кокетливо примостившееся за левым ухом. Ожерелье из зубов крупного, но, несомненно, травоядного животного украшало грудь, назвать которую впалой не осмелился бы и самый ярый приверженец туризма. Никто не заметил, во что он был обут - желтая пена почти до коленей закрывала ноги. В этом было нечто неуловимо античное. Хотя вряд ли древние греки уделяли столько внимания гриму: разноцветные полосы столь плотно покрывали лицо и мускулистые руки прищельца, что лишь торс давал представление о медно-красном цвете его кожи. Маленький топорик на длинной рукоятке, заткнутый за пояс, косичка на макушке бритой головы и внушительных размеров горбатый нос - да кто их читает, длинные описания!?! - ограничимся, пожалуй, этими штрихами к портрету.

- Гос-с-споди, да ведь это индеец...- пробормотал один из археологов. Его сосед, протерев очки, присмотрелся повнимательнее:

- Вне всякого сомнения. Я даже осмелился бы предположить, коллеги, что перед нами воин-разведчик племени сиу.

Индеец гортанно крикнул, вроде как выругался, выхватил томагавк и замахнулся, давая понять, что вышел на тропу войны с самыми серьезными намерениями. В следующий момент, забрасывая всех комьями земли и пены, мимо промчались его соплеменники. Когда индеец обнаружил, что остался один, он гаркнул что-то уже не столь угрожающее, затем повернулся и побежал догонять своих.

- Как живой,- выдохнул ему вслед третий ученый.

"Чертовщина какая-то",- подумал Владимир.

- Ты кто?- спросил он слабым голосом и сам удивился тому, что смог это произнести.

Несколько времени назад ему казалось, что никогда он уже не сможет разлепить губы, а теперь Владимир с удивлением ощущал отсутствие боли и

ясность мысли, необычайную в его положении. "Мне это снится",- решил он и закрыл глаза. Но гость никуда не пропал. И с закрытыми глазами Владимир отчетливо видел его усмешку и издевательский блеск глаз.

- По чести говоря, вы, нынешние, образованы весьма поверхностно, да-с, так что мое подлинное имя ничего вам не скажет,- ответил гость и продолжил:

- Давайте уж как-нибудь запросто, без чинов и прочих китайских церемоний. Извольте, для вас я Фаддей... да хотя бы и Фаддей Пафнутьич.

Ферт с легким хлопком уронил набалдашник трости в ладонь и присел на краешек волшебным образом появившегося кресла, драпированного золототканной парчой. Свою трость он прислонил к подлокотнику, цилиндр, сняв и тщательно осмотрев еще раз, пристроил в изножье кровати.

- А этот? Там?- Владимир перевел взгляд в угол, где все еще стоял солдат в рыжей шинели.

Ферт нацепил на нос пенсне в потертой оправе и преувеличенно внимательно посмотрел в том же направлении.

- Что, беспокоит? Да не обращайтесь внимания, милейший Владимир Андреевич. Это так, небольшой эффект для пущей важности. Пусть его.

Он положил руку на колено Владимиру и доверительным тоном произнес:

- Имею до вас одно небольшое дельце. Так что визит мой к вам вполне официальный. А впрочем, это так, пустячок, ни к чему, собственно, не обязывающий...

Владимир посмотрел на руку, крупная твердая ладонь которой выдавала недюжинную силу гостя несмотря на мягкость прикосновения и ернический тон.

- Позвольте побеспокоить вас покорнейшею просьбою,- со вкусом выговаривал слова гость. Чувствовалось, что он наслаждается их звучанием. Посмотрев на Владимира, ферт улыбнулся еще шире, щелочки глаз стали еще уже.

- Вы совершенно правы - люблю поговорить. Да и то сказать, не так уж часто представляется случай.

Фаддей Пафнутьич достал из кармана, спрятанного в фалду фрака, блестящий портсигар, раскрыл его, а затем вынул и с наслаждением понюхал небольшую сигару.

- Знаю, знаю, любезный Владимир Андреевич, что не курите. Посему и не предлагаю. А я, уж позвольте, потешу беса.

Он откусил кончик сигары, после чего откинулся в кресле и слегка повернулся на левый бок, правой рукой залез в карман брюк, озабоченно нахмурился: "Да где же они?", затем беспечно махнул той же рукой, мол: "Ну и ладно!", щелкнул пальцами и в руках у него оказался спичечный коробок.

- Так зачем я тебе понадобился?- спросил безучастно наблюдающий все эти манипуляции Владимир.

- Это я вам нужен, а не наоборот,- немедленно отозвался Фаддей Пафнутьич. Так и не воспользовавшись спичками, он поднес сигару ко рту, с причмокиванием втянул в себя воздух и Владимир увидел на ее кончике ярко тлеющий огонек. Затем Фаддей небрежно пустил в сторону несколько колец дыма.

- Вашей душевной склонности, а, возможно, и дружбы пришел я просить. И не отступлюсь, поскольку питаю к вам, Владимир Андреевич, чувство глубочайшего уважения,- закончил он, подобострастно склонившись к кровати и дохнув Владимиру в лицо табачным смрадом.

Приступ дурноты накатил на Владимира. Он еще видел, что гость что-то говорит ему, но в ушах звучал только невнятный ритмичный шум.

5

Одно время, очень недолго, ходили по Горюхину какие-то смутные слухи о большом, если не сказать - невероятном количестве племен, покинувшем в то утро саркофаг. Якобы вышло из недр чуть ли не мильон народу - и вовсе даже не воинственного. Что, мол, скарб за собой тащили и детей малых несли на руках, а за теми, что повзрослее - приглядывали, чтобы невзначай не натворили чего. Потом оказалось - чистая правда, так оно все и было. Красиво шли, с песнями. Последних весь город видел.

И ведь как пели! Горюхинцы почасть и сами мастера хоть куда, но которые тот хор слышали - сильно зауважали. Слов, правда, почти не понимали, поскольку всю свою сознательную жизнь учили языки предполагаемых противников, но утешали себя тем, что если судить по этому признаку - имеют дело с друзьями. Некоторые им даже подпевать пытались.

Осели те племена, обустроились. Вскоре и толмачи нашлись. Ну, а как выбирали тех, чьи речи они переводили - про то отдельная история. Думали горюхинцы, что дикари к ним пожаловали - ан нет! Мы, было им сказано, горшки обжигать на столько-то тыщ лет раньше вас научились, а уж кто к кому в гости пожаловал - про то лучше помалкивайте: в общем-то мы туточки всегда проживали, а то, что вы только сейчас нас разглядели - так это, говорят, просто зрение у вас немного улучшилось от таких нервных потрясений.

Приуныли тут горюхинцы. С одной стороны, знали они за собой эту самую близорукость. Бывало, наступят ненароком на что-то, панически мечущееся под ногами, а потом, отскребывая подошву, призадумаются: "Что ж это было?" Но с другой - обидно как-то. За что боролись?

Если правда, что наша жизнь - борьба, то человечество просто обречено на вечный поиск врага. Увы! Без этого она, жизнь, вроде как и не в радость. А уж вычислить супостата - дело нехитрое.

И так было всегда. Миссионеры вели активный поиск нехристей, испытывая непреодолимое желание приобщить туземцев к благодати, на что аборигены отвечали тихим обожанием, ибо в жизни не едали ничего вкуснее белого человека.

При этом дикари отличали врагов от друзей по боевой раскраске. Но цивилизованные люди уже не пользуются жженой пробкой в аналогичных целях. Ее с успехом заменяет некая "лицензия на отстрел по совокупности примет", каковая бережно хранится в памяти на предмет тщательной идентификации по ней каждого встречного. А некоторые даже объединяются в сообщества, призванные исправить ошибки природы и кардинально сократить численность конкурентов.

Делают они это из-за отсутствия эрекции в подобающей тому ситуации или по какой-то иной не менее печальной причине, препятствующей продлению и увеличению собственного рода - то нам неизвестно. Но, к их чести будь сказано, занимаются они своим делом и искренне, и с азартом.

Да и есть ли такое дело во всем белом свете - не считая, конечно, служебных обязанностей - в которое не вложил бы душу наш человек? Нету такого дела. Птичкой взвивается он в небеса и, от полноты чувств, чирикает

мощно. А то и присядет на ухо какого-нибудь бронзового истукана, отдышится и цвиркнет капелькой помета ему на плечо. Знай, мол, наших. И гордо оглядится - все ли видели?

Так вот, в Горюхине это могли наблюдать все желающие, ибо прекрасный памятник Вождю украшал центральную площадь. Перелетные птицы осенью не ленились сделать крюк и пролететь над ней, дабы взять верный курс. Горожанам казалось, что Вождь, согласно канонам, лаконичным жестом тыкает перстом в блистающие дали прекрасного будущего, но аисты точно знали, что правая длань Вождя, совмещая приятное для людей и полезное для птиц, указывает строго на юг. Что, в общем-то, никакого отношения к данной повести не имеет.

Позже, где-то к обеду, когда горожане смирились с внешним видом и повадками индейцев когда диктор местного телевидения сообщил: "Городская система водоснабжения полностью восстановлена. В тех районах, где водопровод все же не работает..." когда стала пользоваться очевидным успехом индейская кухня когда стражи всех городских застав прикрепили к околышкам фуражек вместо прежних кокард крашенные перья когда к старым праздникам прибавилось столько же новых поводов пьянства ради когда городскую валюту, крашенные березовые плашки, заменили на ракушки когда жить стало не то чтобы лучше, но значительно веселее когда отшуршали и ушли в прошлое талоны на хлеб и мыло когда розовый фламинго... стоп! извините, это не к нам когда язык мирных обывателей пополнился большим количеством новых колоритных слов и выражений когда, короче говоря, жизнь вроде бы наладилась, вот тогда-то конфликтовавшие по первости стороны объективности ради признали, что с утра они, было дело, несколько погорячились, что и стало причиной кое-каких досадных недоразумений.

Виной тому оказался передовой отряд индейцев, тех самых появившихся первыми всадников, чуть было не развеявший по ветру стереотипное представление о них, как о людях разумных, степенных и осмотрительных.

Каждый народ претерпевает значительные неудобства, происходящие от своих же соплеменников, обычно немногочисленных, но энергичных и нетривиально мыслящих, чья ненасытность не знает границ и не дает спокойно жить остальным. Когда социальная активность такого человека несет в себе ярко выраженный отрицательный заряд - перед нами ворюга по убеждениям, вор в законе. Если же криминальные склонности отсутствуют - мы имеем дело с политиком.

Однако наихудший вариант, несомненно, промежуточный, убедиться в чем смогли все горожане, случайно или по собственному недомыслию оказавшиеся на славном боевом пути вышеупомянутого эскадрона.

Первый инцидент произошел в непосредственной близости от саркофага: индейцы атаковали трамвай, следовавший по маршруту "Пивзавод - Сиренюшки". Выяснить, что же спровоцировало вероломное нападение на потерпевшего, то бишь трамвай, который, находясь при исполнении, скрипел не больше обычного, вел себя мирно и ни с кем не задирался, так и не удалось.

Вагоновожатая объявляла остановки немногочисленным пассажирам, коротавшим время каждый на свой лад.

Пожилая женщина, разложившая котомки на два ближних к себе сиденья, саркастически разглядывала здорового карпа в авоське, изредка начинавшего

чем ни попадя биться о соседствующий с ним кочан капусты. При этом она беззвучно шевелила губами, производя одной ей ведомые расчеты и, время от времени сокрушенно покачивая головой. Эти движения были странным образом схожи с судорогами засыпающей рыбины, но определить, кто из них больше расстроен, женщина или карп, затруднился бы даже самый внимательный наблюдатель.

В середине вагона четверо сонных молодых людей, скорее всего - студенты после ночной пирушки, с видом заговорщиков пускали по кругу бутылку шампанского и трювили анекдоты, изрядно раздражая тем самым сидящую рядом старушку, которой никак не удавалось прослушать хоть одну байку целиком.

Сидящая перед ними симпатичная девушка в пестром сарафанчике увлеченно флиртовала с двумя бравыми курсантами, смеясь каждой их шутке и непрерывно демонстрируя красные от помады зубы.

На соседнем сиденье средних лет мужчина в футболке динамовских цветов сосредоточенно читал газету. Из его портфеля, засунутого под сиденье, на каждом повороте доносилось звяканье пустых бутылок.

То, что стеклотара была пустая, явствовало не только из того, с каким явным пренебрежением был засунут портфель на свое место. Звон - вот что является определяющим. Возможно ли спутать томный, зажигающий неземным светом глаза любителей этого дела, полный неги и волшебства звук, проистекающий от нежно касающихся друг друга полных бутылок звук, рождающийся при соприкосновении емкостей, содержащих даже самое отвратительное пойло и напоминающий, тем не менее, пасторальную песнь шмеля на альпийском лугу звук, с которым благородные напитки в хрустальных ризах приветствуют друг друга, а ангелы спускаются на землю звук, подобный многообещающему гудению дверного колокольчика с подвязанным язычком, под которым закутавшийся в плащ повеса молодой, правая рука на эфесе шпаги, а в левой потайной фонарь, прокрадывается темной испанской ночью в предвкушении чего-то там глухим садом к красотке юной - да разве можно спутать его с постылым бряканьем пустых бутылок, начисто лишенным какой бы то ни было романтики так же, как лишен ее стон пружин раздолбанного до последней степени дивана, что стоял прежде в сауне горкома комсомола? В общем, пустые были бутылки, тут и говорить не о чем.

Итак, трамвай буднично катил по своему обычному маршруту. Динамик только-только неразборчиво прохрипел из-под потолка что-то вроде "...лед...ющая о...ан...ка ...ё...очка!", когда вдруг где-то неподалеку прогремел мощный взрыв. Вагон сильно качнуло, по крыше забарабанили осколки и непривычные к бомбежке пассажиры здорово струхнули. К тому времени, когда бабахнуло второй раз, трамвай на малой скорости тащился сквозь застилавший пути жирный зеленый дым, не позволявший никому в вагоне в полной мере насладиться развернувшимся за окнами захватывающим зрелищем.

Могильную тишину в вагоне прерывал лишь скрип скользящей по стеклу потной ладонки. Это красавица в сарафане энергично протирает окно, надеясь тем самым улучшить видимость. Через несколько секунд в редющей пелене ей почудился странных очертаний расплывчатый силуэт. Он, казалось, летел рядом с трамваем, придвигаясь к нему все ближе и ближе. Девушка напрягла зрение и прижалась лбом к стеклу: тень в таинственной зеленой дымке интриговала ее

все больше и больше. И вдруг призрак материализовался.

Тот звук, который испустила несчастная, когда с расстояния всего десяти сантиметров ей подмигнул демон весьма свирепой наружности, можно назвать визгом в традиционном значении этого слова, если оценивать только его тембр и технику исполнения. А вот силе звука подходящий эквивалент удалось бы подыскать, пожалуй, лишь в мире реактивной техники: подошел бы, например, рев взлетающего истребителя.

"Свят-свят-свят!" - перекрестилась старушка в середине вагона. Едва не захлебнулся студент, решивший в столь неподходящий момент хлебнуть шампанского. Сидевший ближе всех к девушке курсант впоследствии всегда заканчивал рассказ об этом своем приключении в то достопамятное утро словами: "Ну, не все ж они такие крикливые. Я, конечно, женюсь... Потом..." После чего вздыхал и добавлял: "Если смогу..." А паренек, всю дорогу с отстраненным видом безмятежно ковырявшийся в носу, затряс головой и переместил палец в левое ухо.

Фи, как неделикатно! И это язык Пушкина? Тот самый, на котором Бог говорит с русскими? Нет, классики такого себе не позволяли. Просто возмутительна та легкость, с которой современные бумагомайки смакуют корявыми своими перьями всевозможные физиологические отправления своих героев. Описывается, к примеру, сосисочно-розовый отросток, сверхъестественно напряженный и полностью нацеленный на объект вождения, грот любви, если излагать высоким стилем. Трепещут в ожидании слияния, само собой, оба. Поэтические натуры при этом по лире нежно ударяют, прочие роют копытами землю. До приличий ли тут? Сдается крепость, рыдая слезами радости, когда сладкая боль приближает наслаждение. Еще наносятся возвратно-поступательные удары, скребет и сладострастно кружит в запретной тьме желанный гость, но близок уж экстатический момент! И, наконец, вынимает герой палец из носа и внимательно рассматривает скромную добычу на натруженном щупальце.

Тем временем набиравший скорость трамвай вылетел из полосы дыма и оказалось, что с обеих сторон его сопровождают не сказать чтоб дружелюбного вида всадники. Все сомнения по поводу их намерений, если таковые и были, отпали сами собой после того, как сразу несколько вагонных стекол разлетелось вдребезги. Может быть где-то и принято именно так здороваться, заводить новые знакомства? - но только не в Горюхине! Скромный трамвай будто по мановению волшебного жезла изменил свою недоступную обычному зрению суть, превратившись пусть в карликовый, но бронепоезд.

Ах, какая последовала драка - в лучших традициях жанра! Князь Вяземский в девятнадцатом веке не успел бы даже открыть обтянутый зеленым сафьяном футляр с пистолетами Лепажя, дабы, согласно дуэльному кодексу, предложить их дуэлянтам - так вот, он не успел бы это сделать за то время, которое в веке нынешнем потребно, чтобы мордобой оказался в полном разгаре. При этом никто даже и не пытался симулировать мыслительный процесс, что придало схватке естественность природного явления, плачевного по последствиям, но прекрасного своей непредсказуемостью.

Все портили только слишком серьезные мужские лица. Но с этим ничего не поделаешь - такое уж мужчина существо, бесхитростное, но вечно

озабоченное поддержанием на должной высоте своей репутации. Посмотреть хотя бы так называемые фильмы для взрослых: ведь в них любая женщина в меру своих актерских способностей, пусть более чем скромных, лицедействует тем не менее с полной отдачей, изображая томленья страсти неземной и восхождение к вершинам экстаза, без стеснения показывая все свои таланты и все остальное, что еще она может откровенно показать. А мужики в тех же фильмах? Почти никаких эмоций, у всех деловые, озабоченные физиономии - не поймешь, то ли он любит, то ли в тени кладбищенских сосен произносит прощальное слово над телом безвременно ушедшего товарища.

Когда лоснящиеся крупы мчащихся галопом мустангов оказались на расстоянии вытянутой руки от вагонных окон, индейцы пошли на абордаж.

- Вход только через переднюю дверь!- верещала вагоновожатая, давя на педали и наблюдая в зеркало заднего вида, как полуголые люди, спрыгивая с коней, виснут на окнах. Горюхинцам в вагоне слышалось нечленораздельное: "Одоль орез дюдерь!", ставшее как бы лозунгом сопротивления.

- Сама ты дюдерь одоль! Бинтуйтя хруди!- орал мужик в сине-белой майке, в бешеном темпе доставая из портфеля бутылки синего стекла и швыряя их в оскаленные лошадиные морды. Стоящий рядом с ним студент оценивающе взвесил на руке едва початую бутылку шампанского, но бросать не стал, а, оглядевшись, подобрал с пола пробку и закупорил бутылку. После короткого размышления он засунул ее в туго обтягивающие чресла джинсы, не найдя, видимо, более надежного места, и огляделся.

По правую сторону вагона два индейца висели на окнах, пытаясь подтянуться и пролезть в салон. Однако всякий раз, когда они оказывались близко к цели, стоящая рядом женщина, прикусив губу, начинала без разбора лупить здоровенной рыбиной по голым спинам и лысым татуированным головам, во время коротких передышек утирая локтем пот с лица.

У противоположного, разбитого в самом начале окна, пристроился паренек с рогаткой. Пулял он гайками на четырнадцать, причем довольно метко, по каковой причине, надо полагать, вопли нападавших было гораздо лучше слышны именно с его стороны. Спину снайпера прикрывала старушка с инвалидной палкой. Когда в пределах ее досягаемости оказывался очередной индеец, бабушка начинала молотить своей клюкой по чем ни попадя, приговаривая при этом: "А не лезь, милоч, без билета! Ох, не лезь!"

Рядом в поте лица курочили поручни курсанты, добывая оружие для драки и расстегнув по причине аврала верхние пуговицы гимнастерок. За одного из них, потерявшего бдительность, схватился скачущий рядом с вагоном индеец, попытавшись неожиданным рывком вытянуть отличника боевой и политической подготовки в окно. Нахрапом это не удалось, завязалась ожесточенная борьба. Противники пытели, наваливаясь друг на друга и выкручивая руки. Теряющий силы курсант вдруг обнаружил, что прижимается губами к волосатому уху индейца. "Укусю!"- подумал он, но тут же отмел столь недостойный воина прием и, недолго думая, что было сил свистнул в маячащее перед глазами ухо. Индеец оцепенел, упал лицом в гриву своего коня и, бессильно уронив руки, поскакал прочь.

Трамвай тем временем промчался мимо очередной остановки, даже не подумав притормозить. Поэтому пассажиры лишь мельком увидели городской Дом культуры, представлявший к тому времени совершенно фантастическое зрелище: из всех окон вырывались мощные языки синего пламени, по периметру

опоясавшие здание. Уже на порядочном удалении от крыши они сливались в огненный нимб. Здание, не претерпевшее никаких внешних изменений помимо описанных выше, более всего напоминало горящую на газовой плите гигантскую конфорку.

Крыша вагона загрохотала под ногами индейцев, которым удалось на нее вскарабкаться. Шаги были слышны несколько секунд, затем один индеец неожиданно, в том числе и для себя, оказался внутри трамвая, провалившись сквозь дыру в сгнившем брезенте переходника, соединяющего секции вагона. Второй упал не так удачно, приземлившись, как пишут в протоколах, областью паха на массивную скобу белого металла, проходящую под брезентом. В вагоне были видны лишь несколько раз конвульсивно дернувшиеся ноги. Насколько известно, ни эти конечности, мирно покачивающиеся под стук колес, ни их хозяин в дальнейших событиях участия не принимали.

Первый индеец, поднявшись, оказался перед студентом. Между ними болтались чьи-то ноги, мешавшие сразу перейти к активным действиям. Студент, приняв боксерскую стойку, подпрыгивал и скакал из стороны в сторону. Намеревавшийся было напасть дикарь вдруг замер, уважительно разглядывая солидное утолщение, выпирающее из джинсов противника. Студент все еще скакал на одном месте, когда не выдержавшее такого издевательства вино глухо хлопнуло пробкой и окатило оторопевшего индейца излившейся прямо из ширинки сладкой пеной. Бог весть, что подумал обо всем этом индеец, но в окно он сиганул без малейшего на то принуждения со стороны.

К этому времени курсанты отодрали, наконец-то, столь приглянувшиеся им поручни и несколькими ударами высадили последние уцелевшие в вагоне стекла, расчищая место для драки. Но когда подготовительные работы были закончены, выяснилось, что индейцев и след простыл. Утыканный стрелами трамвай постепенно замедлял ход и, наконец, остановился, оказавшись аккуратно посреди городской свалки. Как добрался он в места, куда не проложены были трамвайные пути? Что ж, в жизни приключается всякое. А вдали, постепенно заглушаемое шелестом мусора и стотысячным хором чаек, все менее различимо становилось цоканье копыт.

Ну и каково вам это, милостивые государи, покажется? Как философски тонко подведена, можно сказать, черта - нехорошо, мол, так. В человеке, дескать, все должно быть. И лицо, и одежда справная. Токмо первое предпочтительнее иметь в натуральном виде, без кровоподтеков. Там, конечно, расчудесно, где нас нет, но есть места и покруче нашего. А потому не лез бы ты, собачий сын, в свару, а то ведь все мы благодаря тебе в два счета черт-те где окажемся. Причем не исключена возможность попадания в качестве клиента на кладбище, куда нормальные люди не торопятся.

Впрочем, не стоит излишне драматизировать происшедшее. Никто ведь, в конечном итоге, серьезно не пострадал. А небольшое выяснение отношений, пусть даже излишне эмоциональное на взгляд стороннего наблюдателя - да кого оно может смутить в городе, где достижение справедливости традиционно считается личным делом каждого, а не только людей, обремененных высшим юридическим образованием.

Возникшую было тягостную паузу прервал Владимир.

- Зачем? - повторил он свой вопрос.

- Только между нами,- тон Фаддея стал доверительно-ласковым.- Интерес мой к вам - глубже не бывает, поверьте. Вы ведь, извините за прямоту, мой брак. Ошибка, требующая немедленного исправления. Объясните ради всего...- ферт сделал паузу и со вкусом продолжил:

- ...не побоюсь этого слова - святого - к чему все это было?

- О чем ты?

- Да все эти благоглупости, Владимир Андреевич, с оскорблением, с честью, с дуэлью этой дурацкой... с пистолетом, наконец. Ах, какие страсти! Ну, бывает - причудилось что спьяну, или еще бывает со страху стреляются, а вам-то что за резон был - не пойму.

Фаддей Пафнутьич сделал неуловимый жест рукой и на серое застиранное покрывало упал комочек свинца. Боль пронзила все тело Владимира, он дернулся и застонал, как будто пуля опять вошла в его грудь.

- Извините, не рассчитал,- расстроено крикнул Фаддей и смахнул пулю с кровати на пол.

- Жить вам осталось всего ничего. Бренное свое существование добровольно сменили вы на загробную жизнь с весьма туманной перспективой. Этому...- желтый от табака палец многозначительно указал вверх:

- Этому вы не нужны по вполне понятным причинам - сами на себя руку поднять осмелились. А он этого ох, как не любит! Убей вы кого другого, так он бы еще подумал. Ну, а так...

Ферт перекинул ногу на ногу и продолжил речь уже в более деловом тоне, не лишенном, тем не менее, дружелюбия:

- И проходите, стало быть, по моему департаменту.

"Бред какой-то",- подумал Владимир и отвернулся: "Скорей бы все это кончилось."

- Напрасно изволите беспокоиться, милс-с-сударь! Времени у нас еще предостаточно.

Владимир увидел над спинкой кровати висящие в пустоте часы, маятник которых, сделав несколько размашистых движений, застыл в крайнем положении.

- Жизнь свою просадили вы ни за понюх табаку, так не угодно ли отыграться? Всяк есмь хозяин недрам своим...

Фаддей Пафнутьич захихикал, и вдруг по невидимому в темноте полу дробью рассыпались светящиеся игральные кости. Очень разные, от гигантских до совсем крохотных, они сталкивались, подскакивали и снова катились в разные стороны, пока не остановились - на всех выпала единица.

- Дешевка...- пробормотал Владимир,- убогая театральщина...

- Согласен!- сразу отозвался его собеседник.- Увы...

Он наступил на подкатившийся к ботинку кубик. Когда тот хрустнул, исчезли разом все игральные кости.

- Обожаю лицедействовать...- извиняющим тоном заговорил Фаддей.- Поносят меня за эти штучки все, кому не лень, а ничего с собой поделывать не могу - люблю эффекты. Да и кто к ним равнодушен?

Ферт хмыкнул.

- Вот вы, к примеру. Зачем стрелялись-то? Неужто совесть в ком пробудить возжелали? Ох, гордыня... Совестьливый человек, что юродивый на паперти - при случае только ленивый не пнет в морду. Да кто ее видел, эту пресловутую совесть? Человеческая придумка для оправдания всяческих глупостей.

С каждой фразой Фаддей Пафнутьич повышал тон:

- Вы же в Бога не веруете, совесть на принципы меряете. Злом сильна любая разумная тварь, и чем раньше эту истину постигает - тем большего достигнет. А верящий в добродетельную сущность человека - уже раб. Влез в вериги совестливости - ну и ползай, батюшка, всю жизнь на коленях.

Фаддей небрежно бросил окурок за спину.

- Али книжек поначитались? Верно, пожалуй, что нет хуже яда, чем чернила да типографская краска. Слепые евнухи вяжут словеса в сети, уловляют слабоумных себе в компанию... Мразь, на лопату бы ее - да в печь. Да выгоды с того шишь, не горит эта грязь то. Вот плоть полыхает с нашим удовольствием, видели не раз.

В голосе явно зазвучала издевка:

- Предназначение, добро, Бог... А ведь он для вас ничто, книжный персонаж, не более того, и давно оставлен в небрежении. Ударились в язычество, и достаточно для этого оказалось зависть возвести в религию...

- Слишком много слов. Эту сковородку я уже лизал, можешь не усердствовать,- прервал его Владимир.

- А как же иначе?- удивился Фаддей. Он изобразил на лице изумление, не приложив при этом ни малейшего усилия сделать это сколько-нибудь достоверно.

- Чему вы поверите, кроме слов? С тех пор, как мания достижения социальной справедливости оформилась в теорию классической...- он засмеялся:

- Извините, конечно же - классовой борьбы, и сладкий лозунг "Грабь награбленное!" заимел под собой научную базу - что изменилось?

Фаддей издал фыркающий звук и развел руками:

- Все одно, что вбивать гвоздь в стекло: задумка интересная и смотрелось бы, наверное, оригинально - но ведь ничего из этого никогда не получалось и не получится, кроме груды мусора. Но - приходит новый кумир, наболтает ерунды, взгоношит народ и снова - кувалдой!

Где-то во тьме разом рухнули сотни стекол и Владимир вздрогнул от неожиданности, когда крупный осколок зеркала вонзился в спинку кресла позади Фаддея.

- А вы все одно - верите,- закончил Фаддей с неожиданной горечью в голосе.

6

Отдышавшись и собравшись с силами, индейцы неторопливо продвигались к... да кто его знает, куда их несло на этот раз!? Важно то, что благодаря малой скорости гостей города удалось наконец-то рассмотреть во всех подробностях. В глаза сразу бросалось некоторое однообразие в одежде, амуниции и вооружении, отдававшее казармой. Однако наиболее существенной деталью всеми без исключения аналитиками была позже сочтена некоторая озабоченность, явственно ощутимая несмотря на толстый слой краски, покрывавший лица индейцев. Это вызывало сочувствие даже в самых черствых сердцах.

Не пристало солдату задумываться, его дело команду исполнять, да, вытягиваясь во фронт, поедать глазами начальство. Задумчивый солдат вызывает чувство тревоги не только у отцов-командиров, но и у мирного населения. Всякий знает, что солдатскую форму одевают менее всего для того, чтобы предаваться размышлениям.

Проехав несколько кварталов и не тронув никого из попавшихся по пути обывателей, которые, разинув рот, провожали их взглядами, индейцы приостановились, лишь повстречав Сергея Альбертыча. Кони обступили его со всех сторон, а всадники с некоторой как-бы растерянностью уставились на лысину нашего старого знакомого.

- Вы чего это? - встревожился Сергей Альбертыч, робко пихая кулаком в черно-белый круп ближайшего жеребца. В следующую секунду, после того, как один из индейцев, нагнувшись, провел рукой по его лысине, растерянность сменилась гневом. Сергей Альбертыч, что типично для брюнетов, в том числе и бывших, вспылчив был необычайно.

- Понаехали тут всякие! - рявкнул он, размахнулся и врезал все еще пустым бидончиком по лошадиному хребту. Конь дернулся, но ни на кого из всадников эта акция протеста не произвела, казалось, ни малейшего впечатления. Индейцы тронули поводья и кавалькада, сохраняя угрюмое молчание, продолжила свой скорбный путь.

Проследи мы их дальнейший маршрут, что не составило бы ни малейшего труда благодаря многочисленным кучкам переваренного сена и овса на асфальте, в которых до полудня с восторгом ковырялись непривычные к такому лакомству городские воробьи, выяснилось бы, что следы теряются у горюхинского универмага. Нечто необъяснимое произошло в этом магазине, один из отделов которого оказался в то утро начисто разграблен.

До описываемого дня торговля париками шла в Горюхине ни шатко, ни валко. Так, изредка, к прилавку и стеллажам, на которых в художественном беспорядке расположилось несколько десятков болванок, обезображенных накладными волосами всевозможных цветов, подходил любопытствующий и продавщица не торопясь демонстрировала ему товар. Иногда дело доходило и до примерки, но не более того. Однако все изменилось, когда в магазине объявились индейцы.

Припарковав своих лошадей у входа, они разбрелись по первому этажу, с вялым интересом разглядывая змеящиеся тут и там очереди.

Сорок человек, дышащих в затылок друг другу, вытягивающих в одном направлении шеи и нервно переминающихся на месте, являют собой весьма любопытное зрелище для неокрепшего ума. Пытаясь постигнуть смысл таинственного ритуала, один индеец попытался влезть в очередь, но получил энергичный отпор. Заинтригованные индейцы посоветовались, затем выстроились в колонну по одному и дальше, сквозь неприязненные взгляды и реплики, продвигались именно так, приплясывая, тряся копьями и время от времени вздевая руки.

Так добрались они и до отдела, в котором, судя по всему, не сразу поняли, с чем имеют дело, хотя интерес проявили явный. Один из индейцев, уткнувшись в прилавок, уставленный париками, ухватил за кудряшки выставочный экземпляр и легонько потянул. Затем нахлобучил его обратно на подставку, снова стащил...

- Это на голове носят, вот здесь,- постучала себя пальцем по виску продавщица, когда индеец начал примерять парик на пояс. Но последний каким-то образом уже прицепил парик к ремню и потянулся за следующим. Его соплеменники, уразумев нечто, недоступное пониманию продавщицы, галдя и отпихивая друг друга полезли через прилавок.

Парики шли нарасхват. Несколько расстраивало продавщицу то, что при столь ажиотажном спросе на залежалый товар никто, судя по всему, не

собирался платить. Она пыталась возражать, но после того, как было сделано несколько попыток сдернуть с головы ее собственный скальп, решила, что, как женщина, имеет право вести себя скромнее и дальнейший погром наблюдала со стороны.

Товар был полностью разобран в считанные минуты. Куда затем делись индейцы - не заметил никто.

Владимир со все большим трудом различал в осколке зеркала мелькавшие одна за другой картинки, а Фаддей Пафнутьич с интересом наблюдал его реакцию на каждую сцену.

- И присягнули идолам, и жертвы кровавые принесли. Испытания ждут вас за то великие. Не семь, а семьдесят семь тощих коров пожрут коров тучных,- произнес он вдруг нараспев гнусавым голосом.

Владимир молчал.

- За каждым добрым делом угадывается или корысть, или честолюбие, а посему зло - оно честнее. Главная холера на человека - человек. Только не говорите мне о разуме! Неужто можно назвать разумной тварью существо, которое столь неумолимо истребляет колена свои, будто и не слыхивало о шестой заповеди? Одна бездумная тварь пожирает другую - и тем счастлива. И ничем человека не справишь...

В изножье кровати, наискосок, неуловимо промелькнула серая тень. Владимир быстро поджал ноги, его непроизвольно передернуло от омерзения. Фаддей невозмутимо проводил тень взглядом:

- Крыса несъедобна по определению. Просто потому, что она крыса. В каком количестве укуса ее не вымачивай.

- Слишком уж ты пристрастен,- отозвался наконец Владимир.

- И горжусь этим! Беспристрастность - лицемерное дитя равнодушия, и более ничего. Человек приходит на этот свет нищ и гол, и душу свою бессмертную получает в кредит. А выплачивать приходится всю жизнь и редко кто успевает это сделать. А как хочется оставить по себе след!

Фаддей с фальшивым сочувствием покачал головой.

- Вот и внушает себе почти каждый, что мир - это валяющийся в крапиве вросший в землю жернов, и что перевернуть его так же просто. А после пыхтит бедолага, надрывается. А когда дело сделано, видит он бледные ростки невзрачных растений, прозрачные личинки и зарывающихся в землю червей. И думает, что дошел до сути. А он всего и сделал, что перевернул камень.

Фаддей усмехнулся:

- У собак оно гораздо проще: задрала лапу на столб, отметилась - вот вам и самовыражение. А человек совсем не то! кто же спорит? Уж если он гадит, то с размахом.

Тьма в помещении сгущалась.

- Мучиться ничтожностью своей и подлостью, мстить невесть за что - вот это по вашему. Подлость людская безгранична. И сравнить не с чем.

Владимир попытался встать, но снова потерял сознание.

7

Так прошло в городе утро. А к тому времени, когда минуло двенадцать и солнце съело почти все тени, уже совсем другие события поражали воображение горюхинцев, то повергая их в изумление, то вызывая уныние.

Несколько пациентов местного бедлама, отпущенные с утра на вольные

хлеба, уже к ужину возвратились в свой родной желтый дом. Один из них, а именно тот, в истории болезни которого на каждой странице несколько раз упоминалась фамилия Буденный, категорически заявил своему лечащему врачу, что согласен на совместное проживание, но только с нормальными людьми - почему, мол, он и вернулся.

Подкручивая несуществующий ус, он напомнил, что всегда и всем говорил - только тачанка да лихая шашка надежно защитят город. Лошадка завсегда прокормится, а с бронетехникой - одни только сплошные хлопоты. И рассказал, смакуя подробности, невероятную историю.

Якобы из местного гарнизона сбежало многотонное чудовище, танк образца тысяча девятьсот ...сят ...ого года, который сперва катался в свое удовольствие по Горюхину, вселяя немалые опасения и в горожан, и в индейцев. Кто там внутри стальной коробки орудовал рычагами - этого в точности не знал никто, поэтому слегка побаивались его на всякий случай все.

Поначалу танк был бодр и весел. Пролетит, бывало, по главной улице и, не переводя дыхания - куда-нибудь на пленер. А уж там выберет местечко поукромнее, замаскируется и - ба-бах! но без всякой злобы, буквально парочку пристрелочных шуганет шрапнелью по ближайшей роще, напугает местных ежиков и пейзанок, обдирающих малинник - и катится себе, довольно похрюкивая, на очередной парад.

Но постепенно движения танка теряли былую резвость. Затем городские власти стали время от времени получать от его экипажа радиogramмы с категорическими требованиями пайка и постоя. Тогда за отсутствием и того, и другого, стальную колесницу отправляли пострелять боевыми куда-нибудь на окраину, откуда он... то есть она... тьфу ты! - танк, возвращался все более и более потрепанным и озлобленным.

Иногда танк, вернувшись с гастролей, выключал двигатель и надолго замирал на каком-нибудь перекрестке. В полной тишине крутилась башня, орудийный ствол задумчиво разглядывал окна на фасадах окрестных домов. Когда рассказчик видел его в последний раз, танк был похож на надравшегося и ищущего ссоры угрюмого биндюжника, которого все старательно игнорируют.

Во все время исповеди в углу кабинета глухо бормотал что-то свое старенький черно-белый телевизор. Шли новости ближнего зарубежья.

Сообщалось, что некие пограничные племена под впечатлением совместных учений воздушно-десантных войск нескольких сопредельных им стран, с которыми они не на шутку заружились в последнее время и собирались даже заключить военный союз, решили доказать свою боевитость аналогичными маневрами.

Пришлось им, правда, закрыть несколько лазаретов и школ, но денежку на аренду транспортного самолета они наскребли. Даже осталось немного на приобретение рюкзаков, к которым были затем пришиты элегантные кольца. Ну, а внутрь уложили предметы первой необходимости, как-то: запасные перья, точильные камни и всевозможные амулеты.

К сожалению, ни один рюкзак в свободном полете не превратился в парашют. Советом племени объявлен траур.

Врач это сообщение пропустил мимо ушей, а поскольку по причине суточного дежурства с последними событиями в Горюхине был не в курсе, то и прописал полководцу в профилактических целях лошадиную дозу амнизина, посчитав его рассказ за бред воспаленного сознания. Что ж, пострадать за правду и сладостно, и приятно.

Вторую историю рассказал за обедом возвращенец, некоторое время гостивший у своей деревенской родни.

Будто бы провел он это время, наблюдая весьма интересный индейский ритуал.

Внешне все походило на праздник: радостные, одухотворенные лица, заливистый детский смех. Народу собралось видимо-невидимо. И каждый взрослый держал в руке копьё с прищандоренным к древку лавровым веночком.

Рядом, в построенном из сухого камыша павильончике, местные умельцы сноровисто украшали татуировками модных в этом сезоне цветов вальжанные фигуры начальственного вида, которые до этой процедуры заметно отличались цветом кожи от окружающих. Туда, в сарайчик, прокрадывались они как-то тайком, но на выходе уже практически невозможно было ни по походке, ни по каким иным приметам отличить их от индейцев.

Постепенно стихли песни, прекратилось хаотическое движение толпы, все сели на корточки, образовав круг. В центр вышел человек и при всеобщем молчании заговорил. Речи его были, наверное, слишком здравы и взвешены, что настроению присутствующих абсолютно не соответствовало. С каждым словом лица собравшихся делались все скучнее. Когда первый оратор закончил, проводили его скорее шиканьем, нежели аплодисментами.

Все переменялось, как только всеобщему обозрению предстал следующий индеец. Он выскочил в круг семенящей походкой, энергично двигая всеми частями тела в ритме охотничьего танца. Еще ничего не сказав, лишь пройдясь таким манером, он завел толпу, которая стала имитировать его движения и отбивать ритм, одобрительными выкриками поощряя особо удачные па.

Обойдя круг, танцор одним прыжком оказался в центре и энергичным жестом воздел к небу левую руку, в которой, раздуваемая ветром, болталась связка разномастных то ли скальпов, то ли еще чего, и громко, хотя и неразборчиво, выкрикнул: "Ааа-а-а!" Почти все присутствующие в радостном порыве подхватили этот клич.

Затем, не прекращая танца, выступающий нацепил скальпы на копьё, превратив его в стилизованное подобие метлы, и сделал несколько жестов, имитирующих рабочие движения дворника, закончив это упражнение угрожающим воплем: "Ууу-у-у!", тысячекратно повторенным толпой.

Закончилось это выступление сделанным с места назад сальто, слезами в глазах танцора и проникновенным криком: "Ооо-о-о!", сопровождаемым убедительным и трогательным протягиванием рук к окружающим.

Что тут началось! Слезы умиления пролились полноводной рекой, сдернутые с тысяч копий лавровые венки полетели в триумфатора, который, не теряя времени, принялся их пересчитывать.

Этот ритуал повторился несколько раз, но отличия от описанного выше были столь незначительны, что не стоят ни малейшего упоминания.

- А ты что там делал?- безразлично спросил рассказчика его сосед, занятый намазыванием на черствую горбушку микронного слоя масла.

- Да у меня тоже был веночек, только на меня, в общем-то, никто внимания не обращал,- послышалось в ответ,- не твоего, мол, ума дело.

Кто-то из выздоравливающих весьма здраво заметил на это, что напрасно индейцы полагают столь уж непостижимой пресловутую эту индейскость души.

У нас, мол, выборы проходят аналогично, только вместо скальпов кандидаты обычно размахивают чем-то гораздо более неприличным, не содранным, а оторванным. Но в этот момент на стол поставили тарелочки с повидлом из сгнивших еще до сбора урожая фруктов и обмен мнениями прекратился сам собой.

Владимир раскрыл глаза и с удивлением обнаружил себя в знакомой до тошноты квартире, где не было ни опостылевшего собеседника, ни иных каких чудес. За окном то ли рассветало, то ли смеркалось. По-прежнему горела настольная лампа.

Правая рука Владимира, прижатая к груди, затекла. Владимир попробовал ее разогнуть, но оказалось, что запекаясь кровь намертво приклеила ладонь к простыне, а ее - к телу. Владимир лег поудобнее, собрался с силами и, помогая себе левой рукой, дернул что было сил правую...

В следующее мгновение он увидел перед собой все тот же сияющий белизной тоннель, а затем, когда глаза привыкли к свету, и Фаддея в его великолепном зеленом фраке.

- А я уж было решил, что потерял вас, топ cher,- приветливо улыбнулся тот.

- Опять...- застонал Владимир.

- Не надо меня бояться,- голос Фаддея стал серьезен и печален. Он перешел на "ты":

- Я, поверь, не самый худший советник. Твоя беда состоит в нелюбви по отношению к самому себе. Почему ты решил, что в долгу окружающему миру? Зачем трогает тебя его судьба? Кто позволил тебе навязывать людям свою мораль?

Владимир, стараясь не делать резких движений, медленно приподнялся и сел. К великому своему удивлению, никакой боли он не испытывал.

Наблюдавший за ним Фаддей предложил вдруг:

- А не прогуляться ли нам?

Владимир встал - и они пошли.

8

Пустеющий к вечеру, город был необыкновенно хорош в час заката. Владимир с забытым удовольствием разглядывал знакомые улицы и даже раздражавшие его обыкновенно лозунги на крышах домов не будили в нем сегодня никаких чувств, кроме тихого умиления.

Уже в сумерках остановились они в примыкающем к городской площади сквере.

- Зайдем?- Фаддей приглашающе тронул плечо Владимира и кивнул в сторону едва заметного среди деревьев пестрого шатра.

- Почему бы и нет?- пожал плечами Владимир.

Внутри было сыро и холодно. Владимир невольно поежился, попав в этот, как ему показалось, подвал.

Несколько софитов освещали только небольшую сцену, на которой Владимир с изумлением обнаружил точный макет Горюхина. Только вот выглядел город как-то странно и более всего походил на прокаженного, которому уже наплевать на то, как он выглядит. И делать с ним можно что угодно - он все равно не чувствует боли.

Владимир подошел поближе и поразился той дотошности, с которой

неведомый мастер сотворил и сам макет, и наводнявших его кукол.

Вдруг он обнаружил, что куклы движутся. Они вели себя как люди, лишь марионеточное вихляние выдавало их рабскую зависимость от невидимого кукловода.

Самая пестрая компания собралась на разбитой брусчатке площади, точной копии горюхинской.

У импровизированного костра русобородый молодец в черной косоворотке угощал сигаретами цыганистого вида парней. Чуть дальше престарелые хиппи, дергаясь в едином ритме, сиплыми голосами уверяли окружающих, что их адрес не дом и не улица, а желтая подводная лодка.

Обед - он и в Африке обед. Уму непостижимо, как некоторые учреждения работают без него, если не работать без обеда - и то тяжело.

Однако обшарпанная полевая кухня, из которой, видимо, кто только не хлебал во время оно, пускала ароматные ветры в тени раскрашенных пенопластовых лип на краю макета, не допуская до себя топчущихся вокруг изголодавшихся мужиков с котелками - ближе к вечеру, судя по всему, ожидался приезд начальства.

Иногда игрушечный город накрывало мохнатой тенью парящей под куполом балагана огромной летающей тарелки. В отблесках света титаново переливались ее фантастические очертания - имитация плода вдохновенных трудов лучшей в мире технологии. Вряд ли заносило ее когда-либо в иные галактики, но гордо реющий над бортом цветастый прорезиненный флажок, украшенный несколькими дюжинами звездочек, позволял с полным основанием причислить этот фантастический агрегат к звездолетам.

Аппарат проходил над городом на бреющем. Порой он зависал в каком-нибудь месте и тогда дюзы его двигателей шевелились, как приноживающиеся к чему-то ноздри. Затем в брюхе летающей тарелки открывался люк, и мощный смерч, верхний конец которого уходил в эту дыру, втягивал туда все, по чему проходил своей пастью на земле.

Различить можно было самые различные предметы, поднимающиеся по спирали ввысь, но больше всего поразил Владимира косяк огромных подводных лодок, взмывших к импровизированным небесам в этом водовороте наоборот и бесследно исчезнувших в чреве звездолета.

Кукла, изображавшая средних лет даму в красной косынке, неподвижно стояла среди снующего по площади народа, прижав к животу чей-то портрет. Рядом с ней, рассевшись прямо на мостовой, молодежь баловалась портвейном, то и дело бросая куски хлеба и колбасы ухоженному, но очень голодному пуделю.

Расположившиеся неподалеку и раскрашенные во все тона зеленого марионетки внимательно наблюдали процесс кормления. Когда пес подавился колбасной шкуркой, они, под звуки флор-н-фауна, набросились на подавших доброты, нещадно избивая их палками.

Неопределенного пола создания, и в реальной жизни тусующиеся обыкновенно вблизи памятников, терлись затылками в кожу задами о постамент и активно строили глазки переминающимся с ноги на ногу разряженным в камуфляж богатырям, сгрудившимся по соседству.

Повсюду, несмотря на поздний час, сновали дети пенсионеры, сбившись в тесную группу, скандировали что-то слабым нестройным хором.

В общем, типичное горюхинское ополчение в предмитинговом состоянии. Где-то так на девятом месяце. На сносях.

Сама площадь представляла из себя жалкое зрелище. Часть булыжников, позаимствованных из ее покрытия и планируемых для строительства так и не возведенных в итоге баррикад, была использована при отделке стоящей на отшибе триумфальной арки. Оставшиеся после этого ямы заполнил грязью пролившийся в полдень дождь.

Владимир разглядывал вооруженные фигурки, рассеявшиеся у костров по обе стороны арки. Слева в полной тишине из рук в руки переходила трубка с длиннющим чубуком, справа заливалась гармошка.

- Они что, враждуют?- спросил он. - А по какой причине?

Фаддей пожал плечами:

- Особенность материала... Так уж они выструганы. Чего иного ожидать от марионеток?

Внезапно на площадь, скрипя тормозами, вырулил броневладелец, на капоте которого гордо стоял белый эмалированный чайник. Толпа пришла в неопишное волнение.

Шикарный разворот закончился печально: авто село передними колесами в глубокую яму. Побуксовав минуту-другую, водитель заглушил мотор.

Неуклюжий адъютант, подскочивший к задней дверце, никак не мог справиться с замком. Вдруг дверь распахнулась под нанесенным изнутри ударом ноги, и объективом кинокамер предстал тот, ради кого собрались присутствующие.

Фигуру эта кукла имела ничем абсолютно не примечательную, но вот голос... Голос прямо-таки по-генеральски прозвучал на всю округу:

- Товарищи! Процесс стоит с усей судьбоносностью...

Марионетки на площади вытягивали шеи, пытаясь разглядеть говорившего.

- Втянуть в это увесь народ - закономерно. А потом мы его накормим. Не глядя на трудности. Прохрамма у нас уже имеется. Тезис один, товарищи: для козы и цветочный магазин - продовольственный. Ставлю на холосование...

Грянули бурные аплодисменты.

- И если ухлудить консенсус, то это можно только приветствовать. На паритетных началах. Я и сам работал механизатором. Но это во-вторых...

Окружившие броневик куклы, раскрыв рты, внимали откровениям генерала. Наиболее простодушные, засучив рукава, прилагали все усилия, чтобы вытащить машину на сухое место. Генерал продолжал:

- Процесс пока не пошел. Зато сидит он красиво - спасибо товарищам на местах. Только когда ходит - хромает. Мне об этом письма идут, я перевариваю их усе...

Слушатели как-то заскучали, ряды их стали редеть.

- И мы усе должны, как один. Мы сможем, я уверен. То есть поднять наши орханы на должную высоту. Со всей твердостью. Это будет ориентир для всего общества. Это во-первых. Потребуется революционная выдержка...

Пространство вокруг генерала совсем опустело. Рядом остались только самые верные куклы. Они огляделись в поисках возвышенности, с которой оратора было бы лучше видно, но, не обнаружив ничего подходящего, подняли его на руки.

То ли столь головокружительная высота сделала свое дело, то по какой иной причине, но стиль речи сильно изменился:

- Ты паимаишь, какое дело... Отдай стакан, засеря... И-и-и... Как выпишь, так, я бы сказал... и мысли кудрявые приходят... За-а-а... смысле жизни... Я-я-я...

Но! Если дать музыкантам выпить, то-о-о... хоронить будит некрасиво...

Снова собрался народ. Последние слова утонули в овациях.

- Ну-у-у... и я... там сидел. Но чтой-то ощущать не мог, а-а-а... говорить практически тем более.

Он смачно харкнул. Плевок шлепнулся на кого-то из соратников.

- Во-о-от - эти... Обгадятся, паимаишь, в худшую сторону... Непонятно. Я-я-я... как главный скажу: мне тоже.

Генерал слез с рук своего окружения и устался на подведенного к нему адъютантом коня.

- Что за клячу ты мне привел? А она не брыкается? - поинтересовался он вновь изменившимся голосом.

- Это, товарищ генерал, не она, а он,- сообщил тот.

- Поговори мне еще, пипка потная! Живо станешь не он, а оно, подонок,- брюзгливо отозвался генерал, взгромоздился на жеребца, шлепнул его стеклом и конь как-то боком двинулся к строю выстроившихся под пестрыми штандартами усачей.

Пройдя метров десять, жеребец наступил в лужу, попал ногой в яму и, конечно, сломал ее с деревянным хрустом.

Скатившийся с коня генерал ругался все время, потребовавшееся обслуге, чтобы привести его в божеский вид. Затем подошел к храпящему на земле коню, достал из кобуры пистолет, передернул затвор, вставил дуло в ухо коню и выстрелил.

- Прощай, мой боевой товарищ...- произнес он.

Генералу подвели другого коня.

- И передайте бургомистру, провокатору, что если и этот урод покалечится, то дальше я на нем поеду - однозначно!

Проезжая мимо полевой кухни, генерал обратился к повару:

- Какая каша?

Повар помешал поварешкой дымящуюся жижу, понюхал и осторожно отхлебнул:

- Черт его знает!- пожал он плечами.

Генерала понесло:

- Мерзавец! Предатель! Я тебе приблю губу к перилам! Негодяй! Ты!.. у меня!.. на коленях зайца догонишь! Я отвечаю! На полный рот козявок!..

Владимира замутило и он вышел на свежий воздух.

- Итак? - подал голос Фаддей.- Вариантов не так много... Хотя главное, конечно, чтобы он вообще был, выбор.

Он стоял, опершись на свою трость, и казался очень усталым. За его спиной простирался настолько ярко освещенный по одну сторону проспект, что уже в десяти шагах не видно было ничего, кроме света. Противоположная сторона улицы шла под уклон в полной темноте.

- Что посоветуешь? - спросил Владимир. Фаддей Пафнутьич вздохнул и молча, не торопясь, стал удаляться в темноту. Он уже полностью исчез из виду, когда до Владимира донеслось еле слышное:

- Думай...

Владимир повернулся спиной к балагану, пересек площадь и неспешно свернул...

...в узкую темную улицу, конец которой терялся за поворотом. Пройдя несколько десятков метров, он забыл обо всем, что осталось позади.

Под ногами горбились булыжники. По обе стороны от Владимира стояли дома, но было как-то неестественно тихо и покойно. Только где-то невдалеке выводила трогательную мелодию виолончель.

Дома причудливого вида с чуть светящимися в лунном свете белыми фасадами примыкали к глухим высоким стенам. Почти все окна были плотно закрыты ставнями и лишь из одного падал на мостовую узкий колеблющийся луч, исходивший, по всей видимости, от стоящей на сквозняке свечи.

Каждый дом имел свое лицо. Один, мимо которого как раз проходил Владимир, был украшен изящной башенкой, на фронте дома напротив застыли в немой молитве позолоченные деревянные фигуры святых. Крутые скаты крыши венчали диковинные флюгера.

Внимание Владимира привлек портал с выбитой поверху датой. Он как будто не в первый раз видел эту резьбу по камню и кованую дверную ручку в виде морского змея, но снова поразился искусству мастера.

За этим домом улица делала поворот и начинался спуск, в конце которого под мощной крепостной стеной, подпирая ее своим хребтом, расположилось приземистое строение почтовой станции. Дом и примыкающую к нему конюшню окружал невысокий забор, образующий просторный двор.

Владимир вошел в распахнутые ворота вслед за только что подъехавшим экипажем и привычно, как-будто проделывал это десятки раз, поднялся на крыльцо. Там он остановился, ожидая, пока из тарантаса, запряженного парой гнедых, не выйдет молодой офицер. Рассмотрев, что более в экипаже никого нет, Владимир прошел через темные сени, уставленные хомутами и всевозможными кадушками, во внутренние покои станции.

Весьма скромное убранство комнаты для проезжающих состояло из длинного стола, размещенного вдоль окон по всей длине помещения, конторки, на которой были аккуратно расположены принадлежности для письма, да небольшого, довольно потертого диванчика.

Владимир сел на диван и, взяв в руки лежащий рядом томик, погрузился в чтение.

Пожилый пехотный майор, молча кивнувший Владимиру в знак приветствия, продолжал свое неспешное чаепитие. Перед ним на столе стояли самовар и пустой полуштоф.

- Смотритель! - раздалось со двора. Затем стукнула дверь, в сенях что-то упало и покатилося. После донеслось:

- Черт тебя задери! Лошадей!

На пороге, озирая комнату, стоял давешний приезжий.

Смотритель, преклонных лет благообразный старик, закутанный в женскую шаль, подошел к нему с протянутой рукой:

- Извольте подорожную, господин офицер,- прошамкал он и, получив требуемый документ, встал к конторке, опустил на нос очки и, взявши перо, принялся его переписывать.

- Сделайте милость, поручик! - застегивая мундир, указал на место подле себя майор.- Прошу... Чем Бог послал. Какими судьбами в этой дыре? - спросил он и знаком потребовал у прислуги, босоногой растрепанной девки, еще бутылку.

- Разрешите представиться - гвардии поручик Березин. Из Ревеля в Петербург,- несколько высокомерно отвечал тот, присаживаясь.

- По службе али как?- майор уже скосырнул сургуч с горлышка и наполнял рюмки из пузатой запотевшей бутылки.

- На масленицу представился мой grand-pere,- гвардеец перекрестился и поднял рюмку,- умер вдруг гнилою горячкою. Еду хлопотать о наследстве...

- Велико ли? - поинтересовался майор.

- Сущие пустяки... две деревеньки, всего души двести.

Собеседники выпили.

- Я полагаю, нехудо быть при богатой родне? - спросил майор, хрумкая соленым огурчиком.

- Какая, однако, дрянь! - воскликнул поручик, отодвигая рюмку и тыкая вилкой в тонко нарезанный балык.

- Мы тут живем тихо и прескучно,- меланхолично отвечал майор и расстегнул назад две пуговицы на мундире,- о кларетах и сотернах в этих краях и не слыхивали,- добавил он, раскуривая от свечи трубку.

Смотритель молча вышел из комнаты.

- Он положительно несносен. Лошадей! - нетерпеливо крикнул ему в спину поручик.- Мне мешкать невозможно.

- Увы...- улыбнулся майор.- В столице объявилась холера. На тракте карантин.

- Помилуйте,- озадачился неожиданным известием поручик.- Я имел переписку с братом - он этим годом выпущен в гусарский полк корнетом - и никаких сведений об этом не имею.

Он растерянно огляделся. Из-под гвардейской бравады на какой-то миг выглянул двадцатилетний мальчишка.

- А это что за господин? - спросил он, указав на Владимира.

- Какой-то француз. Смотрителя жена говорит - осьмой день сидит и никуда не едет, все в окошко поглядывает.

Майор снова взялся за бутылку.

- По-русски ни бельмеса, однако очень знает по-аглички. Водки не пьет, все Вальтер Скотта почитывает. Должно быть учитель или гувернер...

С тракта, со стороны, противоположной той, откуда прибыл поручик, донесся еле слышный звон бубенчиков.

- Как же так? - удивился, памятуя о карантине, майор. Владимир отложил книгу, ни одной страницы которой не перелистнул за все это время, и вышел на двор.

- Не иначе зазнобу ждет французик,- хихикнула в углу дворовая девка.

- Цыть! Ставь самовар, квашня,- осадил ее майор, однако и сам с интересом выглянул в окно.

А в ворота тем временем уже въезжала дорожная карета, на дверце которой едва видна была под пылью княжеская корона.

Владимир подбежал к экипажу, когда изящная женская фигурка в траурном платье черного шелка уже спускалась по ступеням.

- Душа моя, Марья Кириловна!- воскликнул он и припал к руке...

Спустя несколько минут француз укатил в карете таинственной незнакомки.

- Вам-с... от княгини-с...- торжественно объявил смотритель, ставя на стол несколько бутылок шампанского.

- Изрядно, изрядно...- бормотал поручик, повергнутый в восхищение видом стройной ножки, мелькнувшей из-под платья в скудном свете стационарного фонаря.

Когда выпито было и подаренное вино, и еще много какого другого, в комнате показалось жарко и майор распахнул окно. Поручик, подойдя, мельком оглядел двор и поперхнулся вином: у мусорной кучи, сваленной под забор, чуть прикрытая редкими кустами смородины, стояла жуткая тварь - огромных размеров мышь и громко хрумкала чем-то, выисканным на помойке. Вдруг, опершись на передние лапы, мышь привстала и быстро шевеля усами, стала принюхиваться. В ее заливке торчало что-то похожее на стрелу. Не обнаружив, видимо, никакой опасности, мышь снова полезла мордой в мусорную кучу. При этом, когда она повернулась, длинный кольчатый хвост смел оказавшиеся за ее спиной кусты. Под брюхом сверкнуло что-то похожее на розовую, но очень грязную подушку. Поручик зажмурился...

Он очнулся, когда в руке лопнул бокал и кто-то со смехом хлопнул его по плечу:

- Здешнее бордо, конечно, дрянь, но стоит ли так расстраиваться, поручик?- и протянул ему новый стакан:

- Послушайте-ка лучше, какая невероятная история приключилась со мной в польскую кампанию, когда занесла меня нелегкая в город N...

1994-1996, Нарва